

Хабибуллина Алсу Зарифовна

ДИАЛОГ ВОСТОКА И ЗАПАДА В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ОЦЕНКАХ КРИТИКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

В статье раскрывается проблема диалога Востока и Запада в творчестве М. Лермонтова в аспекте ее рассмотрения отечественными критиками и литературоведами XX века. Большое внимание в работе уделяется типологии М. Лермонтова с основами восточного сознания, с культурой арабо-мусульманского Востока в целом. Фактический материал статьи образуют стихотворения М. Лермонтова ("Ангел", "Земля и небо", "Выхожу один я на дорогу" и др.), а также переводы на татарский язык его произведений, выполненные С. Рамиевым.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/62.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 215-219. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Гришаева Л. И. Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 118-123.
2. Дудко Е. С. Прецедентные тексты в текстах детской классической литературы XX века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 181-185.
3. Кушнарева Л. И. Канонические и авторские притчи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 54-60.
4. Монах Варнава (Е. Санин). Маленькие притчи для детей и взрослых. Т. 1-7. [Электронный ресурс]. URL: http://esanin.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=117&Itemid=48 (дата обращения: 28.01.2014).
5. Репринцева Н. И., Волков В. С. Явление прецедентности в структуре художественного текста // Вестник КамчатГТУ. 2011. № 17. С. 109-112.
6. Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 312 с.
7. http://esanin.ru/index.php?option=com_content&task=blogsection&id=0&Itemid=48 (дата обращения: 10.01.2014).

**SPECIFICS OF FUNCTIONING OF PRECEDENT TEXTS
IN "SMALL PARABLES FOR CHILDREN AND GROWN-UPS" BY E. SANIN**

**Frik Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology
Chzhan Chaotsyun'**

*National Research Tomsk Polytechnic University
tfrik@tpu.ru; 327683631@qq.com*

The article presents the results of the analysis of the precedent texts role and specifics of their functioning in the books by Evgenii Sanin –“Small Parables for Children and Grow-Ups”. The authors identify the types of precedent texts most frequently used by E. Sanin and describe the basic author’s strategies of introducing these texts into parables. The special attention is paid to author’s individual increments of precedent texts meaning. The paper concludes that precedent texts in small parables perform text-generating function and also present themselves as one of the basic means used by an author to influence a reader, to popularize humanist ideals and Christian values.

Key words and phrases: precedent text; parable; Evgenii Sanin; –Small Parables for Children and Grow-Ups”; author’s original world view.

УДК 82; 821.161.1

Филологические науки

В статье раскрывается проблема диалога Востока и Запада в творчестве М. Лермонтова в аспекте ее рассмотрения отечественными критиками и литературоведами XX века. Большое внимание в работе уделяется типологии М. Лермонтова с основами восточного сознания, с культурой арабо-мусульманского Востока в целом. Фактический материал статьи образуют стихотворения М. Лермонтова («Ангел», «Земля и небо», «Выхожу один я на дорогу» и др.), а также переводы на татарский язык его произведений, выполненные С. Рамиевым.

Ключевые слова и фразы: межлитературный диалог; перевод; парча; мышление антитезами; восточное сознание.

Хабибуллина Алсу Зарифовна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
alsu_zarifovna@mail.ru

**ДИАЛОГ ВОСТОКА И ЗАПАДА В ТВОРЧЕСТВЕ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ОЦЕНКАХ КРИТИКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX ВЕКА** ©

В течение долгого времени вопрос о диалоге Востока и Запада в творчестве М. Лермонтова рассматривался с разных позиций. Вместе с тем справедливо утверждать, что данный аспект изучения произведений Лермонтова в русской литературной критике и исследованиях отечественных лермонтоведов начала XX века не стал главным. Выделим те идеи и концепции, которые позволяют наметить в работах отечественных критиков и исследователей постановку проблемы диалога разных культур в творчестве Лермонтова.

Среди многих работ русских критиков начала XX века особое место занимает книга Д. Овсяннико-Куликовского «М. Ю. Лермонтов», изданная в 1914 году. В своей работе Овсяннико-Куликовский исходит из того, что Лермонтов принадлежал к числу эгоцентрических натур. Во многом такая черта характера Лермонтова обусловила субъективное начало в его творчестве. Так, исследователь пишет о том, что «важнейшие

образы, им созданные, от Демона до Печорина, оказываются субъективными: в них Лермонтов воспроизвел себя самого или некоторые – существенные – стороны своей натуры, ровно как и свои – личные – психологические отношения к обществу, к людям, миру» [9, с. 464]. Субъективность в творчестве Лермонтова по своему проявляется в основных психологических антитезах, которые встречаются в большинстве его произведений. К ним относятся антитезы «я и толпа», «душевные бури – душевная тишина», а также «расцвет души, кипучая внутренняя сила и ее старость, смерть».

В книге «М. Ю. Лермонтов» на материале романа «Герой нашего времени» исследователь также обосновывает сложность рефлексии сознания Печорина, выступающего вторым «я» Лермонтова. И эта глубина рефлексии мысли, «высшего самопознания», по словам автора, является основой концептуализма Лермонтова [Там же, с. 473]. К примеру, размышляя о главе «Княжна Мери» из известного романа Лермонтова, Овсянко-Куликовский доказывает абсолютный эгоцентризм Печорина, который при этом «дополняется еще двумя чертами: 1) напряженным самоуглублением и 2) исключительной силой субъективной памяти» [Там же, с. 471–472].

В таком самоуглублении и самопознании обнаруживается стремление видеть действительность и человеческие отношения через призму некоего комплекса идей, незавершенных, гипотетических, но стремящихся к поиску целостного охвата мира. На наш взгляд, данная особенность мировосприятия Лермонтова, по своему отраженная в его творчестве, находит параллели с сознанием восточного человека.

В работе Д. С. Мережковского «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1909), как и в книге Овсянко-Куликовского, нет специальных размышлений о диалоге Востока и Запада в произведениях Лермонтова. Согласно убеждениям Д. С. Мережковского, рефлексивная основа сознания Лермонтова и его философский, полный противоречий взгляд на мир обусловлены, прежде всего, богоборчеством поэта. Опираясь на анализ «Демона» и «Мцыри», Мережковский приходит к мысли об особом идеале Лермонтова. В произведениях поэта, согласно взглядам критика, «должно свершиться соединение правды небесной с правдой земной, и, может быть, в этом соединении окажется, что есть другой, настоящий, рай...» [6, с. 376]. Однако для того, чтобы достичь этого идеала, «надо принять, исполнить до конца и преодолеть христианство. Трагедия Лермонтова в том, что он христианства преодолеть не мог, потому что не принял и не исполнил его до конца» [Там же, с. 377].

Таким образом, созданный Лермонтовым удивительный, сложный и одновременно трагический взгляд на мир был связан с богоборчеством.

Большой интерес в понимании диалога разных культур в творчестве Лермонтова представляет работа Б. М. Эйхенбаума «Лермонтов как историко-литературная проблема» (1924). В ней исследователь, размышляя о новаторстве Лермонтова, говорит о роли литературных влияний в его творчестве. В частности, Б. М. Эйхенбаум обосновывает факты влияния западной литературы и поэтики на произведения Лермонтова и в первую очередь сочинений Байрона, В. Скотта, Д. Мура, В. Гюго. Тяготение к «чужому» у Лермонтова, по мнению исследователя, а не простое влияние во многом отражало то, что было свойственно движению жизни самой русской литературы в 30-е годы XIX века, искавшей пути изменения стиля и содержания русского стиха [13, с. 486–497].

Как видно из сказанного, в работах известных критиков и лермонтоведов начала XX века вопрос о диалоге Востока и Запада подробно не рассматривался. В основном размышления об интересе Лермонтова к разным культурам велись в свете проблемы влияния Запада и его литературы на творчество Лермонтова.

Вопрос о межкультурном диалоге в творчестве Лермонтова, к сожалению, не получил достаточного обоснования и в крупных исследованиях о Лермонтове в литературоведении XX века.

Так, в словарной статье «Мотивы», включенной в «Лермонтовскую энциклопедию» (1981), среди большого числа мотивов – мотив одиночества, судьбы, покоя, забвения, богоборчества – восточные мотивы или тема Востока специально не рассматриваются [3, с. 291–304].

Отдельные упоминания о Востоке, о возможных связях Лермонтова с восточной культурой, языком и литературой мы находим в таких специальных словарных статьях как «Татарский язык», «Кавказ», а также в статьях, посвященных восточным произведениям Лермонтова («Ашик-Кериб», «Каллы», «Измаил-бей»).

Наиболее полно и обосновано вопрос о типологии культур в творчестве Лермонтова прозвучал в исследованиях Ю. Лотмана «Проблемы Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова» [4] и «"Фаталист" и проблема Востока и Запада в творчестве М. Ю. Лермонтова» [5]. В своей концепции Лотман исходит из идеи о том, что в позднем творчестве Лермонтова одной из главных звучит проблема специфики исторической судьбы России. Как пишет Ю. Лотман, «своеобразие русской культуры постигалось в антитезе ее как Западу, так и Востоку. Россия получила в этой типологии наименование Севера и сложно соотносилась с двумя первыми культурными типами, с одной стороны, противопоставляя им обоим, а с другой, выступая как Запад для Востока и Восток для Запада» [4, с. 804]. В поздних произведениях Лермонтова и, прежде всего, в его романе «Герой нашего времени» совмещаются самые разные культурные модели. Так, через образ Печорина в этом контексте Лермонтов пытался выявить сущность русской культуры, что обусловило противоречивый, двойственный характер героя: «способность в определенные моменты быть «человеком Востока» и в то же время проявлять свои личностные свойства» [5, с. 227]. Согласно взглядам Лотмана, «два полюса романтического сознания: гипертрофированная личность и столь же гипертрофированная безличность распределяются между Западом и Востоком» [Там же, с. 221]. В лирических произведениях Лермонтова, например, в стихотворении «Три пальмы», а также в романе «Герой нашего времени», в сказке «Ашик-Кериб» имеет место диалог Востока и Запада. Однако, по мнению исследователя, как и другие художественные антитезы в творчестве Лермонтова – добро-зло, земля-небо, поэт и толпа – такой диалог носил непримиримый, полярный характер.

Опираясь на существующие концепции, посвященные творчеству Лермонтова через призму особенностей его художественного мышления и проблемы диалога Востока и Запада, мы исходим из идеи о том, что Восток в творчестве Лермонтова не был только темой или мотивом. Существует другой уровень связи поэта с миром восточной культуры, который имеет отношение к философии творчества Лермонтова. На наш взгляд, в формах мышления Лермонтова выделяются некоторые параллели с Востоком. Такой пограничный характер мышления проявился, в первую очередь, в обращении Лермонтова к основным концептам восточной культуры – сон, смерть, рок, судьба. Все это, безусловно, приближало поэта к культуре Востока, к пониманию им глубинных идей, определяющих национально-культурный характер и мировидение восточного человека, что, в свою очередь, воплотилось в художественные образы, которые так же, как и сам поэт, несли в себе восточное начало.

Одним из оснований для установления типологических черт, объединяющих Лермонтова и Восток, является склонность поэта к мышлению *в антитезах*. Самой распространенной антитезой в произведениях Лермонтова является «небо и земля». Достаточно ярко она звучит в таких его лирических произведениях как «Ангел», «Небо и звезды», «Выхожу один я на дорогу», «Как в ночь звезды падуцей пламень», «1831 июня 11 дня», «К другу», «Ночь. I», «Сон», «Звезда», в поэме «Демон».

Как известно, описание неба в творчестве Лермонтова носит преимущественно романтический характер. Небо, Космос – мир, наделенный ощущением гармонии, высшей красоты, это идеал поэта.

Вместе с тем психологическая антитеза «небо и земля» иногда приобретает у Лермонтова и иное содержание. Лирический герой поэта, «забывая» о величии и спокойствии космоса, стремится постичь очарование земной красоты. Он желает пережить «земные» чувства («Родина», «К другу», «Прекрасны вы, поля земли родной», «Земля и небо»). Однако от этого данная антитеза несколько не утрачивает своего смысла, и лермонтовский герой остается жить «в пространстве оборванных связей» [Там же, с. 231]. Последнее обстоятельство прозрачно указывает на несовместимость и не диалогичность разных субстанций – неба и земли.

И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их [2, с. 31]... («К другу»)

Страшна в настоящем бывает в душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль [Там же, с. 119]. («Земля и небо»)

Вместе с тем возникшая вертикаль – от земли к небу или от неба к земле – достаточно близка мироощущению восточного человека. Обращение к небу, описание красоты Космоса, звезд, луны, солнца достаточно точно передает восточный тип мышления, в котором стремление к небу (а значит, и к Богу!) выступает основой человеческого бытия.

Таким образом, в представленной форме художественного мышления Лермонтова – мышления антитезами – выделяется одна из очевидных параллелей с миром Востока. Наиболее ярко это иллюстрирует стихотворение «Ангел», в котором поэт говорит о красоте не земной, а райской жизни. По мнению исследователей, «"Ангел" едва ли не единственное в ранней лирике стихотворение, в котором "святым" и "райским" звукам не коснулся пафос сомнения и отрицания» [1, с. 29]. М. Степанов в своей работе «Религия русских писателей» убедительно доказывает присутствие в этом стихотворении христианских взглядов поэта [11].

Вместе с тем стихотворение «Ангел», интерпретированное в лермонтоведении в религиозном (христианском) аспекте, достаточно свободно находит параллели с восточным восприятием мира неба, Космоса. Тот образ неба, в котором летает ангел, по сути, совмещает в себе общечеловеческое и восточное (арабомусульманское) начало. Поэт противопоставляет «скучные песни земли» блаженным звукам ангельской песни, и в такой антитезе по-своему проявляется диалог Востока и Запада. Лирический герой Лермонтова не желает преодолеть это противоречие, он устремлен ввысь, в небо, подобно человеку Востока, который ждет от неба спасения и гармонии.

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была [2, с. 95]. («Ангел»)

Интересно отметить, что стихотворение «Ангел» было переведено на татарский язык одним из первых. Уже в 1913 году оно в татарском переводе – «Фэршэтэ» – было опубликовано в газете «Кояш» (№ 76) неизвестным автором.

Можно предположить, что образ неба, ассоциирующийся в восточном сознании с Богом, вызывало «встречное течение» (А. Веселовский) в татарской литературе, что обусловило возникновение перевода на родной язык в самом начале XX века.

Такая устремленность к небу, определяющая движение к Богу, постижение его воли, в целом достаточно полно характеризует мышление восточного человека, опирающегося на арабо-мусульманские традиции. По-своему эта идея нашла выражение в татарской поэзии начала XX века. Так, анализируя лирику Г. Тукая, К. А. Габбасова пишет следующее: «В поэзии Тукая образ неба занимает центральную позицию, он является вечной небесной лазурью, зовущей ввысь. Г. Тукай больше склоняется к восточному, мусульманскому мировосприятию, и потому душа поэта тянется к небу, как обращение к Богу, как сроднение душ с небесной властью» [14].

Яркой иллюстрацией того, как антитеза «небо и земля» в произведениях Лермонтова интерферирует в результате воздействия воспринимающего восточного сознания, является одно из стихотворений С. Рамиева, выполненное в подражании Лермонтову. Речь идет об отрывке (парча) С. Рамиева «Күк берлән мин тату булмак телим» («Я с небом единства хочу»), который представляет собой вольный перевод стихотворения Лермонтова «Я жить хочу! Хочу печали».

В стихотворении Лермонтова антитеза «небо – земля» раскрывается иначе, чем в вышеназванных произведениях. Поэт говорит о муках сердца, о печалях, которые ему необходимы, чтобы ощущать полноту жизни. Душевные переживания лирического героя Лермонтова движутся как бы от спокойствия земных дел и устремлений к той глубине и красоте неба, которые так нужны ему.

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет [2, с. 135]. («Я жить хочу! Хочу печали»)

В парче татарского поэта в целом сохраняется философичность и эмоциональность стихотворения Лермонтова. Вместе с тем в нем рассматриваемая антитеза наполняется и религиозным смыслом. По сути С. Рамиев создает такую парчу, которая полностью построена на открытой антитезе «небо-земля». И эта особенность инонационального восприятия несколько не расходится с основами восточного типа мышления, в котором движение к небу и Богу занимает ядро психологических и эстетических переживаний восточного человека.

Күк берлән мин тату булмак телим,
Телим сәю, сәйим димен мин.
Телим табыну, табынып Ходаема,
Игелеккә иман итим дим [10, с. 66]...

Я с небом единства хочу,
Любви хочу, повторяя, что буду любить.
Аллаху хочу поклоняться и поклоняюсь,
Совершая богоугодные дела...
(Подстрочный перевод автора – А. Х.)

Таким образом, в произведении С. Рамиева представленная антитеза усиливается за счет того, что в начале XX века в татарской литературе (шире – восточной) представление о небе и Боге составляли ее важнейшую часть. Татарская литература начала XX века, несмотря на изменение своей культурологической ориентации от Востока к Западу, тем не менее, сохранила свою приверженность тому, что составляла бытийные основания литературы – движение к Богу.

Это, в частности, отмечалось в исследовании Ю. Г. Нигматуллиной «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур» [8], в работе Э. Ф. Нагумановой «"Непереводимое" в переводах татарских поэтов начала XX века на русский язык» [7].

Установленные параллели литературы и религии во многом определили некоторые черты психологии восточного человека. Об этом, к примеру, писал Н. Трубецкой в своем исследовании «О туранском элементе в русской культуре». По мнению Н. Трубецкого, «тюрк любит симметрию, ясность и устойчивое равновесие; но любит, чтобы все это было уже дано, а не задано, чтобы все это определяло по инерции его поступки и образ жизни. <...> В этом мирозерцании непременно должна быть ясность, простота, а главное, оно должно быть удобной схемой, в которую можно вложить все, весь мир во всей его конкретности. Раз, уверовав в определенное мирозерцание, превратив его в подсознательный закон, определяющий все его поведение, в универсальную схему и достигнув, таким образом, состояния устойчивого равновесия на ясном основании, тюрк на этом успокаивается и крепко держится за свое верование» [12, с. 148].

Справедливо предположить, что характерная для Лермонтова антитеза «небо и земля», как и другие, присущие его творчеству противопоставления, во многом соотносились с тем мировосприятием восточного человека, о котором писал Н. Трубецкой. Именно эти найденные параллели, охватывающие, с одной стороны, особенности поэзии Лермонтова, а с другой, черты восточного мирозерцания, позволяют говорить как о своеобразии диалога Востока и Запада в произведениях Лермонтова, так и о том, что именно в поэзии Лермонтова восточное рецептивное сознание стихийно угадывало черты «своей» культуры, «своего», а не «чужого» миропонимания.

Список литературы

1. Голованова Т. П. Ангел // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 29-30.
2. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. М.: Просвещение, 1988. Т. 1. 720 с.
3. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энцикл., 1981. 784 с.
4. Лотман Ю. М. Проблемы Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 802-824.
5. Лотман Ю. М. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве М. Ю. Лермонтова // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 218-234.
6. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 348-386.
7. Нагуманова Э. Ф. «Непереводимое» в переводах татарских поэтов начала XX века на русский язык // Вопросы филологии. Вопросы теории и практики. Филологические науки. Тамбов: Грамота, 2013. № 2. С. 143-147.
8. Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. 191 с.
9. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Из книги «М. Ю. Лермонтов» // М. Ю. Лермонтов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 461-474.
10. Рамиев С. Болей, душа: стихотворения и поэтические переводы (на татарском языке). Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. 95 с.
11. Степанов М. Религия русских писателей (Религия М. Ю. Лермонтова) // Филологические записки. Воронеж: Типо-литография губерн. правления, 1915. Выпуск II. С. 158-186.
12. Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. С. 136-162.
13. Эйхенбаум Б. М. Лермонтов как историко-литературная проблема // М. Ю. Лермонтов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 475-505.
14. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-343543.html> (дата обращения: 27.01.14).

**DIALOGUE BETWEEN EAST AND WEST IN M. YU. LERMONTOV'S CREATIVE WORK
BY ESTIMATION OF CRITICS AND RESEARCHERS OF THE XXTH CENTURY**

Khabibullina Alsu Zarifovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
alsu_zarifovna@mail.ru

The article reveals the problem of a dialogue between the East and the West in the creative work of M. Yu. Lermontov in the aspect of its consideration by domestic and literary critics of the XXth century. Special attention is paid to M. Lermontov's typology with the foundations of the Eastern consciousness and with the culture of the Arab-Muslim East in general. The factual material of the article is formed by M. Lermontov's poem ("Angel", "Earth and Sky", "Go out on the Road Alone", etc.), as well as the translations of his works into the Tatar language performed by S. Ramiev.

Key words and phrases: cross-literary dialogue; translation; passage; thinking by antitheses; the Eastern consciousness.

УДК 81'23

Филологические науки

В статье изучены сходства и различия в языковом сознании носителей якутской и русской культур в «окрашивании» реального мира, а также стратегии их ассоциативного поведения. Автор рассматривает в сопоставительном плане цветообозначения хара / черный, манан / белый, кыһыл / красный, от күөгэ / зеленый на материале ассоциативных словарей якутского и русского языков.

Ключевые слова и фразы: образ мира; языковое сознание; культура; цветообозначения; ассоциации; ассоциативное поведение; свободный ассоциативный эксперимент.

Хохолова Ирина Семеновна

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
iskhokholova@mail.ru

**ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЯКУТСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР®**

Согласно А. А. Леонтьеву, в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено [2, с. 20]. Однако, как отмечает Н. В. Уфимцева, «в светлое поле сознания каждого носителя